

Эмоции: великолепная история человечества

Автор:

[Ричард Ферт-Годбехер](#)

Эмоции: великолепная история человечества

Ричард Ферт-Годбехер

Великолепная история человечества (МИФ)МИФ Культура

Масштабное и увлекательно написанное исследование того, как эмоции повлияли на ход человеческой истории и как наше восприятие эмоций эволюционировало вместе с нами.

Нам, людям, нравится думать о себе как о разумных существах, которые как вид полагались на интеллект, чтобы выжить. Но многие из самых важных моментов в нашей истории не имели ничего общего с холодными фактами, а были связаны с чувствами.

В этой книге доктор наук Ричард Ферт-Годбехер рассказывает об эмоциях в контексте разных эпох и разных культур – Древней Греции, Ганы, Японии, Османской империи, США, Китая и России. Опираясь на психологию, нейробиологию, философию, искусство и историю религии, он дает исчерпывающее представление об этом аспекте бытия, который редко принимается во внимание в гуманитарных исследованиях.

В каждой из глав автор рассматривает определенные исторические периоды и регионы, составляя, таким образом, полную картину того, как эмоции сформировали современный мир во всем его многообразии. Он на примерах демонстрирует, как наше понимание и переживание эмоций менялось с течением времени и как наши представления о чувствах – наравне с самими чувствами – во многом сформировали нас и мир, в котором мы живем.

Книга переведена на 20 языков.

От автора

История демонстрирует власть эмоций – наравне с технологиями, политическими течениями и великими мыслителями они создают мир, в котором мы живем. Эмоции лежат в основе мировых религий, философских трудов, а также стремления к знаниям и благосостоянию. Но они могут быть и темной, разрушительной силой, сеющей раздор, жадность и недоверие.

Каждая из глав посвящена определенному историческому периоду и региону, однако вместе они составляют довольно полную картину того, как эмоции сформировали современный мир во всем его многообразии, со всеми хитросплетениями и чудесами. Я надеюсь, что после прочтения этой книги ваше видение эмоций уже никогда не будет прежним.

Для кого эта книга

Для тех, кто интересуется эмоциональным интеллектом и его эволюцией в нашей истории.

Для тех, кому интересно, как эмоции влияют на нашу жизнь и даже на ход истории.

Для тех, кто увлекается психологией, нейробиологией, искусством, историей религии, философией, историей развития человечества.

На русском языке публикуется впервые.

Ричард Ферт-Годбехер

Эмоции: великолепная история человечества

Оригинальное название

A Human History of Emotion: How the Way We Feel Built the World We Know

Научные редакторы Всеволод Северцев, Тарас Тарасенко, Екатерина Костина

Все права защищены.

Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения владельцев авторских прав.

© Richard Firth-Godbehere, 2021

This traslation of HUMAN HISTORY OF EMOTION is published by arragement with RICHARD FIRTH-GODBEHERE.

© Издание на русском языке, перевод, оформлнение. ООО «Манн, Иванов и Фербер», 2022

* * *

ОТЗЫВЫ

Поучительный экскурс... Весьма обстоятельно... Многие исследователи, кажется, прочли все, что когда-либо было написано о предмете их научного интереса, но редко встретишь того, кто способен трансформировать огромную базу разрозненных данных в столь увлекательно написанную книгу. Раньше так можно было сказать о Поле Джонсоне и Ювале Ное Харари. Теперь к ним присоединился Ричард Ферт-Годбехер.

Kirkus Review

Захватывающий рассказ о том, насколько глубокое влияние оказали на мировую историю и культуру наши попытки обуздать эмоции. Познавательно и побуждает к размышлению.

Джина Риппон, автор книги *The Gendered Brain*

Читать эту книгу – все равно что смотреть знакомый фильм вверх ногами. Позвольте Ричарду Ферт-Годбехеру взять вас за руку и провести по причудливому пути через новые и привычные исторические ландшафты. Я в восторге от того, как эта книга бросила вызов моим уже сформированным суждениям. К тому же любой труд, всеобъемлющий настолько, чтобы начинаться с Сократа и заканчиваться эмодзи, заслуживает места на моей полке!

Исси Лоуренс, автор и соведущая программы *Making History*

Это даже не эмоциональные качели, а настоящие американские горки, по которым читатель проносится сквозь историю – от глубокой древности в ближайшее будущее. С невероятным энтузиазмом и энергией, которая буквально переворачивает страницы за вас, Ричард Ферт-Годбехер демонстрирует, что человеческие эмоции куда сложнее, чем мы можем подумать. Не так уж важно, возьметесь вы за эту книгу в поисках новых идей или ради увлекательного повествования, из интереса к психологической теории или культурной антропологии, – из нее вы обязательно узнаете что-то новое о том, как люди в разные эпохи относились к своим чувствам. Уникальная работа.

Томас Диксон, автор книги *Weeping Britannia: Portrait of a Nation in Tears*

Раз уж мы часто оказываемся заложниками собственных эмоций, неплохо было бы познакомиться с ними поближе в спокойной обстановке. Книга Ричарда Ферт-

Годбехера – увлекательный и остроумный путеводитель по нашим наихудшим и наилучшим чувствам – от гнева до восхищения.

Робин Инс, соведущий радиопрограммы The Infinite Monkey Cage

Эта книга посвящается моим покойным папам, Рэймонду Годбехеру и Роджеру Харту. Думаю, вы оба получили бы удовольствие от чтения

Введение. Как вы себя чувствуете?

Немалую часть своего времени моя кошка проводит в гневе. Выражая ярость, она, как правило, бьет хвостом и гоняется за ним с шипением, рычанием и воплями. Сторонний наблюдатель мог бы предположить, что она попросту ненавидит свой хвост, но, уверяю вас, таким образом моя кошка лишь хочет продемонстрировать мне, что она не в духе. Она ведет себя так, когда я кормлю ее на полчаса позже, или занимаю ее место на диване, или опускаюсь до преступной гнусности и позволяю идти дождю. Безусловно, Заззи далеко не единственный питомец, которого приводит в бешенство непослушание хозяина. Каждый, у кого есть кошка, собака, кролик, змея или любое другое животное, знает, что у зверей есть эмоции и они не упускают случая эти эмоции выразить. Животные могут быть сердитыми, требовательными и ласковыми – часто одновременно. Кажется, что эмоции бурлят в наших любимцах так же, как в нас самих.

Но вот в чем загвоздка: животные не чувствуют эмоций. Прежде чем вы ринетесь доказывать, что ваша кошка вас любит, оговорюсь: речь не только о животных. Люди тоже не чувствуют эмоций. Эмоции – не более чем обертка, в которую англоязычные представители западного мира пару сотен лет назад упаковали определенный набор переживаний. Эмоции – современная идея, культурный конструкт. Представление о том, что чувства – это нечто,

происходящее в мозгу, сформировалось только в начале XIX века[1 - Thomas Dixon, *From Passions to Emotions: The Creation of a Secular Psychological Category* (Cambridge, UK: Cambridge University Press, 2003).].

Лингвист Анна Вежбицкая утверждает, что лишь одно слово, касающееся чувств, можно напрямую перевести с одного языка на другой без потери смысла, и это слово *feel* («чувствовать»)[2 - Anna Wierzbicka, *Imprisoned in English: The Hazards of English as 4 Default Language* (Oxford, UK: Oxford University Press, 2013), 75.]. Однако то, что вы чувствуете, выходит далеко за рамки того, что принято понимать под эмоциями: это и физическая боль, и голод, и тепло / холод, и тактильные ощущения. В одном только английском языке определенные типы чувств в разные исторические периоды описывали разными терминами: *temperaments* – «нравы», или «темпераменты» (то, как чувства влияют на поведение), *passions* – «страсти» (чувства, что сперва ощущаются в теле, но влияют на душу) и *sentiments* – «сантименты» (чувства, которые человек испытывает при виде чего-то красивого или кого-то, кто проявляет безнравственность). Со временем большая часть этих понятий осталась в прошлом, а им на смену пришел один емкий термин, обозначающий некий конкретный тип чувства, воспринятого мозгом, – эмоция. Проблема в том, что точно выяснить, какие типы чувств относятся к эмоциям, а какие – нет, довольно сложно. Существует едва ли не столько же определений эмоций, сколько людей, их изучающих. Некоторые включают голод и физическую боль в классификацию, другие – нет. Нельзя утверждать, что концепция эмоций верна, так же как нельзя утверждать, что понятие страстей ошибочно. Сам термин «эмоция» – всего лишь обновленная упаковка с сомнительно выраженными очертаниями. И здесь передо мной встает вопрос: если эмоции – действительно некий современный, притом не вполне ясный конструкт, с чего начать писать о них книгу?

Что такое эмоция?

Главная сложность состоит в том, что сам по себе вопрос «Что такое эмоция?» сравним с вопросом «Что такое синий?». Вы, конечно, можете привести научные данные о преломлении света и длине волны, но для разных людей «синий» по-прежнему будет означать разные вещи. В некоторых культурах, как, например, в племени химба в Намибии, синий вообще не считается отдельным цветом. Для этих людей синий – разновидность зеленого, один из множества оттенков, позволяющих ориентироваться в едва различимых полутонах джунглей и пастбищ, где живет племя. От умения отличать безопасный голубовато-зеленый

от ядовитого желтовато-зеленого может зависеть жизнь[3 - Debi Roberson et al., "Colour Categories and Category Acquisition in Himba and English," in *Progress in Colour Studies*, vol. 2, *Psychological Aspects*, ed. Nicola Pitchford and Carole P. Biggam (Amsterdam: John Benjamins, 2006), 159–172.].

Если провести цветовой тест и попросить химба отделить предметы цвета травы от предметов цвета неба, в конце эксперимента вы обнаружите довольно большую группу зеленых предметов и не меньшую – синих. По понятным причинам это может подтолкнуть вас к выводу, что концепции зеленого и синего универсальны. Однако если изменить формулировку и попросить химба разложить зеленые и синие предметы по разным кучкам, то вы, вероятно, увидите среди зеленых множество вещей, которые человек с западным мышлением посчитал бы синими. Тогда опять же по совершенно понятным причинам вы были бы вправе заключить, что концепция цвета формируется под воздействием культуры[4 - Jonathan Winawer et al., "Russian Blues Reveal Effects of Language on Color Discrimination," *Proceedings of the National Academy of Sciences of the United States of America* 104, no. 19 (May 8, 2007): 7780–7785.].

Подобным образом можно показывать химба фото людей, выражающих эмоции так, как привычно нам, и задавать вопрос, аналогичный вопросу «Какого цвета небо?». Например: «Какую гримасу вы бы скорчили, съев что-то тухлое?» И когда химба указали бы на соответствующее фото (полуоткрытый рот с опущенными уголками губ, сморщенный нос и сощуренные глаза, ассоциирующиеся в западной культуре с отвращением), вы бы чувствовали себя вправе утверждать, что понятие отвращения универсально. Однако вы могли бы зайти с другой стороны и попросить участников эксперимента разложить фото с разнообразными выражениями лица по стопкам, соответствующим отвращению и злости. И вы бы удивились, обнаружив фото с полуоткрытым искривленным ртом в стопке злости наряду со снимками, где люди показывают удивление, гнев, испуг и смущение. Такой результат убедил бы вас, что эмоции – культурный конструкт. Возникает вопрос: какой из двух методов исследования верный? Является понимание подобных вещей врожденным или приобретенным? Как часто бывает с вопросами из категории «то или это», ответ, вероятнее всего, – да.

Я остановлюсь на этом подробнее чуть позже, однако уже сейчас могу сказать, что и культура, и природа играют роль. Воспитание и культура формируют наши представления о том, как вести себя, когда мы что-то чувствуем. Но наши чувства сами по себе развились в процессе эволюции. Так же как восприятие

цвета в племени химба отличается от моего, контекст, язык и другие культурные факторы влияют на то, как человек понимает эмоции. Возможно, все мы чувствуем одно и то же, однако то, как мы понимаем и выражаем эти чувства, различается в зависимости от времени и культуры. Именно эти важные различия лежат в основе истории эмоций – и в основе моей книги.

Что такое история эмоций?

Я уверенно устанавливаю флаг на просторах развивающейся дисциплины, получившей название «история эмоций». Ее цель – попытаться выяснить, как люди прошлого трактовали свои чувства. Некоторые исследования охватывают огромные временные промежутки, погружаясь в долгую историю человеческих страхов[5 - Два отличных примера: Thomas Dixon, *Weeping Britannia: Portrait of a Nation in Tears* (Oxford, UK: Oxford University Press, 2015); Joanna Bourke, *Fear: A Cultural History* (London: Virago Press, 2006).]. Предметом других – значительно более узких – становится то, как понимали эмоции люди на конкретных территориях в определенные периоды, например это касается исследований эмоциональных режимов во время Французской революции[6 - Советую почитать вторую часть: William Reddy's *The Navigation of Feeling: A Framework for the History of Emotions* (Cambridge, UK: Cambridge University Press, 2001). Хотя если на то пошло, то почитайте и первую.]. (К концепции эмоциональных режимов я вернусь чуть позже.)

История эмоций породила сотни идей и теорий, и ее влияние на то, как мы понимаем прошлое, продолжает расти. Большинство работ в этой области до сих пор, однако, остаются нишевыми и академическими – не самый вероятный выбор для расслабляющего чтения на пляже. Я написал эту книгу, потому что у меня есть своего рода миссия – познакомить с удивительным миром истории эмоций как можно больше людей, разделить с ними восторг и показать, какую точку зрения открывает подобный способ понимания прошлого, помочь им увидеть мир – и особенно его историю – по-новому.

Существует множество способов исследовать эмоции в историческом контексте. Вы можете писать о предметах материальной культуры, связанных с чувствами: надушенных письмах, религиозных артефактах и детских игрушках[7 - Отличный пример: Stephanie Downes, Sally Holloway, and Sarah Randles, eds., *Feeling Things: Objects and Emotions Through History* (Oxford, UK: Oxford University Press, 2018).]. Можете изучать, как со временем менялись названия эмоций или

значения слов, описывающих их. Например, английское слово disgust («отвращение») когда-то означало всего лишь «неприятное на вкус». Сейчас оно подразумевает отвращение ко всему отталкивающему – от заплесневелого фрукта до подлых поступков[8 - Richard Firth-Godbehere, “Naming and Understanding the Opposites of Desire: 1 Prehistory of Disgust 1598–1755” (PhD diss., University of London, 2018),

qmro.qmul.ac.uk/xmlui/handle/123456789/39749?show=full

(<http://qmro.qmul.ac.uk/xmlui/handle/123456789/39749?show%3dfull>).]. Иногда история эмоций напоминает интеллектуальную историю или историю развития идей и науки: она стремится разобраться в том, как люди трактовали чувства и что понимали под эмоциями в контексте своего времени и своей культуры. Путь в этой сфере исследования можно начать по-разному, однако есть несколько концепций, к которым мы, историки эмоций, независимо от профиля постоянно возвращаемся.

Первую из таких концепций – эмоциональные режимы – я уже упоминал. Этот термин, введенный историком Уильямом Редди, обозначает ожидаемое эмоциональное поведение, диктуемое обществом, в котором мы живем. Он пытается объяснить, как люди выражают эмоции в любых заданных обстоятельствах[9 - См.: Reddy, *The Navigation of Feeling*. Обязательна к прочтению тем, кто интересуется темой.]. Например, от стюарда бизнес-класса принято ожидать вежливости и обходительности в общении с пассажирами независимо от того, насколько невежливы сами пассажиры. Работа навязывает ему эмоциональный режим, который в какой-то момент становится его второй натурой, так что человек демонстрирует спокойствие и неисчерпаемое терпение.

С концепцией эмоциональных режимов тесно связано понятие эмоционального труда. Со временем границы этого термина расширились настолько, что он стал обозначать буквально все – от простой вежливости до возложения на одного из членов семьи (как правило, женщину) всевозможных бытовых обязанностей, связанных с эмоциями, включая отправку поздравительных открыток и регулярную уборку с целью впечатлить заглянувших в гости соседей. Однако зародился термин в марксизме. Его ввела социолог Арли Хохшильд, описывавшая эмоциональный труд как «необходимость вызывать или подавлять чувства, чтобы соответствовать внешнему образу, который приводит окружающих в надлежащее состояние ума»[10 - Arlie Russell Hochschild, *The Managed Heart: Commercialization of Human Feeling* (Berkeley: University of California Press, 1983), 7.]. Звучит немного похоже на эмоциональный режим. Различие, как его определяет социолог Дмитрий Шалин, заключается в том, что

эмоциональный труд – «это дополнительная эмоциональная величина, систематически извлекаемая государством [или его эмоциональным режимом] из граждан». Если вернуться к примеру со стюардом, эмоциональный режим – это то, что заставляет его улыбаться, даже когда пассажир груб.

Эмоциональный труд – это усилие, которое стюарду требуется приложить, чтобы продолжать улыбаться, несмотря на то что в глубине души ему хочется наорать на клиента. Другими словами, эмоциональный труд – это усилие, необходимое для того, чтобы оставаться в рамках эмоционального режима. Эмоциональный труд существует, потому что эмоциональные режимы иерархичны, предписаны кем-то свыше – часто государством, но иногда религией, философскими взглядами или моральным кодом, придерживаться которого нас научили.

Поскольку эмоциональный труд может быть физически и морально утомительным, оставаться верным эмоциональному режиму не всегда просто. Людям необходим доступ к местам, где они бы давали волю эмоциям. Уильям Редди ввел для таких мест термин эмоциональные убежища. Например, бар в отеле, где стюард регулярно жалуется коллегам на грубиянов из бизнес-класса. Подобные места могут быть двигателями революции, особенно когда подавляемые чувства становятся топливом для смены эмоционального режима.

Однако то, как мы выражаем эмоции, не всегда навязано кем-то вышестоящим. Иногда установки исходят от народа и его культуры. Такие идущие снизу правила известны историкам эмоций в рамках концепции эмоциональных сообществ, впервые предложенной историком Барбарой Розенвейн[11 - Barbara N. Rosenwein, *Emotional Communities in the Early Middle Ages* (Ithaca, NY: Cornell University Press, 2007).]. Она касается течений или общих чувств, которые связывают сообщество воедино. Если вам доводилось хоть раз провести бесконечный час, а то и два, в гостях у родственников своего партнера, вы знаете, о чем я говорю. Их поведение может разительно отличаться от привычного вам. Моя семья, например, довольно буйная. Все мы – включая маму – любим грубо шутить, рассказывать нелепые истории, дружески подкалывать друг друга, а также, поскольку почти все мы занимаемся наукой, вести самые высокоинтеллектуальные беседы как можно менее интеллектуальным способом. Я не могу даже мечтать о том, чтобы вести себя так в семье моей жены. Все потому, что каждая семья формирует собственное эмоциональное сообщество и устанавливает свои правила поведения и выражения эмоций.

Похожее чувство мы испытываем, путешествуя в другие страны. На самом деле часто даже не нужно ехать далеко. Я бывал на концертах в Барнсли (Англия), где на протяжении всего выступления люди в зале стояли как вкопанные, с абсолютно непроницаемыми лицами. Но стоило музыке смолкнуть, как к музыкантам выстраивалась очередь готовых угостить их пивом и рассказать, как здорово они отыграли. Специфическая черта эмоционального сообщества Барнсли – стоическая маскулинность (не зависящая от гендера) – не предполагает несдержанности, которую проявляют на концертах в других городах, пусть даже расположенных в какой-то паре миль.

Люди могут быть частью сразу нескольких эмоциональных сообществ и придерживаться нескольких режимов. Так, эмоциональный режим, который уже знакомый нам стюард соблюдает во время полета, необязательно влияет на его поведение на футбольных матчах. В фанатском секторе «Манчестер Юнайтед» человек, проявляющий безграничное терпение на работе, может вести себя как отъявленный грубиян по отношению к болельщикам команды соперника. На матче он ощущает себя частью эмоционального сообщества и свободен от эмоционального режима, определяющего его поведение на рабочем месте, а потому выражает эмоции так, как принято в сообществе.

Это подводит нас к еще одной важной теме книги. На протяжении истории те или иные сильные эмоции выступали в качестве движущей силы перемен. Нередко желание, отвращение, любовь, страх или гнев охватывали целые культуры, толкая людей на поступки, которые меняли все. Я собираюсь исследовать, какую роль сыграли эмоции – и эволюционировавшие представления людей о них – в формировании мира. В процессе мы увидим, насколько переживание эмоций – желания, отвращения, страха, любви и гнева – в прошлом отличалось от современного.

Нас ждет грандиозное приключение: путешествуя сквозь века, мы увидим, как по-разному люди трактовали свои чувства в разные эпохи и как эмоции приводили к переменам, отголоски которых слышны и сегодня. Мы поговорим о Древней Греции и искусственном интеллекте, отправимся в Гану и в Японию, побываем в могущественной Османской империи и станем свидетелями образования Соединенных Штатов. Мы даже заглянем в будущее!

История демонстрирует власть эмоций – наравне с технологиями, политическими течениями и великими мыслителями они создают мир, в котором мы живем. Эмоции лежат в основе мировых религий, философских трудов, а

также стремления к знаниям и благосостоянию. Но они могут быть и темной, разрушительной силой, сеющей раздор, жадность и недоверие.

Каждая из глав посвящена определенному историческому периоду и региону, однако вместе они составляют довольно полную картину того, как эмоции сформировали современный мир во всем его многообразии, со всеми хитросплетениями и чудесами. Я надеюсь, что после прочтения этой книги ваше видение эмоций уже никогда не будет прежним.

Глава 1. Классическая добродетель

Начнем с масштабных идей. История полна представлений об эмоциях: что это такое, откуда они взялись и как стоит их выражать и контролировать. Подобные идеи легли в основу религий и философских воззрений, по-прежнему не утративших актуальности. Нередко представления о чувствах влияли на ход истории. Однако прежде чем перейти к Древней Индии, Новому Завету, к идеям о святых и пророках, я бы хотел начать с истоков или, если угодно, с самых первых дошедших до нас зафиксированных рассуждений о природе эмоций. Для этого, как часто бывает, нам придется отправиться в Древнюю Грецию.

Платон и Сократ

Примерно за 399 лет до рождения Христа молодой человек чуть старше двадцати лежал в постели, разбитый болезнью[12 - Plato, "Phaedo." trans. G. M. A. Grube, Plato: Complete Works, ed. John M. Cooper (Indianapolis: Hackett Publishing, 1997), loc. 1792, Kindle.]. Он был известен в Афинах своим крепким телосложением и успел снискать славу талантливого борца. Не исключено, что он даже участвовал в Олимпийских играх. Большинству из нас он известен под прозвищем Широкоплечий, которое на древнегреческом звучит как Платон[13 - David Sedley, Plato's Cratylus, Cambridge Studies in the Dialogues of Plato (Cambridge, UK: Cambridge University Press, 2003), 10.].

При всей своей устрашающей физической силе Платон был еще и гигантом мысли. Позже он основал школу, чье влияние оказалось столь велико, что ее имя – Академия – до сих пор используется для обозначения учебных заведений. В своей Академии Платон писал труды по философии. Однако это были не объемные трактаты, а серия дискуссий, получившая название «Диалоги». Во всех диалогах, за исключением одного, главным оратором выступал старый и горячо любимый наставник Платона – Сократ.

Значение «Диалогов» Платона сложно переоценить. Спустя более чем два тысячелетия математик и философ Альфред Норт Уайтхед назвал всю последующую философскую традицию «серией пометок на полях трудов Платона»[14 - Alfred North Whitehead, *Process & Reality*, ed. David Ray Griffin and Donald W. Sherburne (New York: Free Press, 1978), 39.]. Однако если бы не события одного глубоко волнующего дня в 399 году до н. э., когда Платон лежал в постели с болезнью, и не все то, что к этим событиям привело, он мог бы остаться одним из сотен блестящих умов, канувших в Лету. Потому что в тот самый день, когда Платон боролся с хворью, его учителя Сократа казнили. И по этому поводу Платон испытывал, скажем так, сложные чувства.

Платонические чувства

Греки называли эмоции *pathe*[15 - Множественное число от греч. πάθη. Здесь и далее, если не указано иное, примечания переводчика и редактора.] – пате, что можно перевести как «претерпевание» или «страдания». Точное значение зависело от того, какие именно пате вы испытываете (или какими страдаете). Платон считал пате волнениями души, рябью, вызванной внешними событиями или ощущениями, тем, что выводит нас из равновесия и нарушает покой. Однако, согласно Платону, душа – нечто большее, чем просто та часть человека, что не является телом.

Душа была важна для Платона, поскольку представляла собой человеческую манифестацию центральной идеи его философии. Он не считал, что мир ограничивается видимым глазу, полагая, что любой объект – человек, дерево или стул – есть лишь несовершенная версия того, что он называл мыслимым космосом (*kosmos noetos*), или идеей. Платон верил, что каждый обладает врожденным представлением о совершенных идеях. Поэтому мы понимаем, что два на первый взгляд разных предмета по своей сущности одно и то же – допустим, табурет и трон являются стульями. И тот и другой напоминают нам об

идее совершенного стула. Платон сравнивал наше восприятие действительности с тем, как люди, живущие в пещере, видят на ее стенах тени происходящего извне. То, что мы считаем реальным, – на самом деле всего лишь тень. Согласно Платону, реальность – это наши души, совершенные идеи, танцующие на свету у входа в пещеру. Наши тела – тени, которые они отбрасывают. Пате – результат возмущения в душе, вызывающего ощущения в теле и заставляющего тень неожиданно искривляться. Больше всего Платону не давал покоя вопрос: как люди могут испытывать две разные эмоции одновременно? Как могут воины на поле боя быть до смерти напуганы и вместе с тем отважны? Как можно и рваться в атаку, и хотеть сбежать? Платон пришел к выводу, что душа должна состоять из нескольких частей.

В своих рассуждениях он исходил из того, что у животных есть душа, но, поскольку они неспособны на сложные мыслительные процессы, значит, существует два вида души: для животных и для людей и богов. Божественная душа представляла собой чистый разум и не могла быть напрямую потревожена пате. Платон называл такую душу *logos*[16 - Plato, "Republic," trans. G. M. A. Grube, rev. C. D. C. Reeve, in Plato: Complete Works, ed. John M. Cooper (Indianapolis: Hackett Publishing, 1997), loc. 26028–27301, Kindle.].

Логос – сложно переводимый термин. Он означает и «мысль», и «слово», и даже «возможность выражать мысли словами». Важно, что ему присуще значение божественного. Наиболее удачный пример употребления этого слова встречается в Евангелии от Иоанна 1:1. Оригинальный текст написан на греческом, однако в переводе (в Библии короля Якова) первая строка звучит так: «В начале было Слово [логос], и Слово [логос] было у Бога, и Слово [логос] было Бог»[17 - Здесь и далее цитаты из Библии и Торы даются в русском синодальном переводе.]. Если вы когда-нибудь задумывались о том, как можно отождествлять Бога со словом, вы, скорее всего (и вполне объяснимо), воспринимали текст слишком буквально. «Бог» здесь означает скорее мысль, чистый разум, знание. Это и есть логос Платона – душа, способная размышлять, знать и понимать.

Душу, которой наделены животные, Платон называл *epithym?tikon*, или «страстной»[18 - Plato, "Republic," loc. 27176–27195.]. Когда на такую душу влияют пате, возникают базовые стимулы, руководящие нами в повседневной жизни: удовольствие, боль, голод, влечение, стремление избежать вреда для себя и т. д. Поскольку люди – по своей сути животные, но к тому же обладают способностью к сложным размышлениям, знаниями и умением понимать, Платон

полагал, что в них сочетаются рациональный логос и иррациональный эпитиметикон.

При этом он считал, что существует еще одна часть человеческой души. Люди могут отличать добро от зла и инстинктивно действовать в соответствии со своими представлениями о них. Чистая логика, как и наши животные порывы, так не работает, а значит, у души должна быть третья составляющая. Платон называл ее *thymoeides*, или *thymos*, – «яростная душа» [19 - Plato, "Republic," loc. 27239–27264.]. Тимос можно перевести как «ярость», и именно эта часть души отвечает за созидательные порывы. Как и на эпитиметикон, на тимос напрямую влияют пате. Когда покой тимоса нарушается, возникает, само собой, гнев. Но то же нарушение покоя способно породить пате надежды – благодаря ей мы действуем, поскольку думаем, что успех возможен, несмотря на все сложности. В этой же душе рождается эмоция страха, позволяющая нам спастись от опасности, которой мы не сумели избежать. Возмущение тимоса способно также вызывать переживание храбрости, позволяющее нам совершать поступки, даже когда мы напуганы. Причем – и Платон считал это крайне важным – яростная душа не всегда видит целью общее благо. Ее пате, как и в случае с животной душой, заставляют человека без колебаний искать удовольствия и инстинктивно избегать боли. Это безотчетное стремление к наслаждению Платон называл *boulesis*. Булесис не добродетелен сам по себе; иногда нравственные поступки приводят к боли, а плохие доставляют удовольствие.

Чтобы достичь истинной добродетельности, необходимо стремиться к пользе, исходящей от логоса, – эросу. Эрос – это не личное удовольствие, а всеобщее благо. Чтобы поступать добродетельно, нельзя руководствоваться лишь пате. Необходимо научиться понимать, что действительно будет лучше, – научиться оценивать и рассуждать. Необходимо останавливаться, чтобы задать себе вопрос: «Действительно ли это правильный поступок?» Человек не должен поступать определенным образом только потому, что ему так приятно. Иногда из-за правильного поступка вы чувствуете себя плохо, потому что удаляетесь от булесиса. Но поступить именно так по-прежнему будет правильно. Это и есть эрос. Разница между эросом и булесисом – краеугольный камень эмоционального режима, который Платон сконструировал для своих читателей и последователей. Она имеет значение даже в ситуациях, когда кого-то дорогого вам должны казнить. Платон использовал историю смерти Сократа как пример торжества эроса над булесисом. Однако, чтобы понять эту историю, необходимо разобраться, почему Сократа вообще собрались казнить.

Суд над Сократом

Сократа обвиняли в нечестии и развращении молодежи; несмотря на то что многие афиняне желали ему смерти вовсе не за это, его виновность сложно оспорить. Во всяком случае, молодежь он совершенно точно развращал. Его тактика, известная как метод Сократа, заключалась в том, чтобы задавать молодым людям вопросы об их убеждениях. Иногда такие вопросы заставляли сомневаться в авторитете властей, широко распространенных представлениях о справедливости или даже существовании богов. По мере того как собеседники Сократа отвечали, он задавал все новые вопросы, подталкивая их к дальнейшему анализу собственных суждений и более четкому формулированию идей. В конце концов те, к кому Сократ применял свой метод, как правило, убеждались в его полной правоте и даже соглашались с его богохульными идеями.

Афины в то время только восстанавливались после столетия войн и угнетения. Когда закончилась долгая война с Персией и последовавшая за ней кровопролитная гражданская война со Спартой, в ходе которой Сократ проявил воинскую доблесть и был награжден, спартанцы ограничили знаменитую афинскую демократию и навязали полису правительство Тридцати тиранов. Афиняне, возмущенные приходом новой власти, вскоре взбунтовались. Менее чем за год они выдворили тиранов из полиса и арестовали подозреваемых в содействии проспартанским политикам.

Среди арестованных был и Сократ. Его главным преступлением считалось не безбожие и даже не развращение юношей: дело заключалось в том, кого именно он развратил, – людей влиятельных, облеченных властью и глубоко ненавидимых афинянами. Например, Алкивиада – видного генерала, который в поисках большей выгоды постоянно метался между армиями Афин и Спарты. У Сократа учились и некоторые из Тридцати тиранов – к таковым относился Критий, один из самых могущественных в группе, – а также члены семей, поддержавших их [20 - Xenophon, Memorabilia, trans. Amy L. Bonnette (Ithaca, NY: Cornell University Press, 2014), loc. 514–520, Kindle.]. А еще сын Периктионы, племянницы Крития, молодой борец Платон.

Без сомнения, Сократа арестовали по политическим мотивам, однако он все-таки был виновен в том, что ему предъявлялось. Услышав решение, Сократ попросил у властей вместо смертной казни обеспечить его до конца жизни бесплатными обедами в благодарность за службу полису. Как можете представить, такую

просьбу приняли отнюдь не с восторгом, и Сократа приговорили к казни через отравление.

Смерть Сократа

Приговор был исполнен, когда Сократ добровольно выпил чашу с ядом болиголова. Если верить Платону, чье описание основывается на свидетельствах другого ученика Сократа, Федона, лично присутствовавшего при казни, те, кто находился рядом с Сократом в его последние часы, стали плакать, когда увидели, как мыслитель пьет яд. Сократа это рассердило: «Ну что вы, что вы, чудаки! Я для того главным образом и отослал отсюда женщин, чтобы они не устроили подобного бесчинства, – ведь меня учили, что умирать должно в благоговейном молчании. Тише, сдержите себя!»[21 - Plato, “Phaedo,” loc. 2889.], [22 - Федон // Платон. Собр. соч. в 4 т. Т. 2 / пер. С. П. Маркиша. М.: Мысль, 1993.] Их горе было вызвано скорбью и желанием найти способ изменить мучительные обстоятельства. Однако, по убеждениям Платона, мужчины – именно мужчины – должны контролировать свои чувства. Женщины, по его мнению, могли рыдать, бить себя в грудь и рвать туники. Но не мужчины. Их рыдания эгоистичны. Как эгоистична их попытка избежать душевных страданий и выдать желаемое за правильное, вместо того чтобы поступить правильно.

После отповеди Сократа присутствовавшие мужчины тут же перестали плакать. Сдерживать слезы, наблюдая смерть друга, вероятно, стоило им огромного эмоционального труда. При этом они устыдились своего поведения, осознав, что оплакивают не Сократа, который, казалось, сохранял спокойствие, а собственное «горе – потерю такого друга»[23 - Plato, “Phaedo,” loc. 2886.]. Другими словами, их слезы не были добродетельны. Они были эгоистичны, а значит, нарушали эмоциональный режим, предписываемый Сократом и Платоном.

В рассказе Платона о смерти Сократа есть еще одна деталь, которая прекрасно иллюстрирует его веру в то, что пате необходимо контролировать ради высшего блага[24 - Plato, “Phaedo,” loc. 2878–2897.]. Если верить Платону, Сократу дали шанс сбежать[25 - Plato, “Critias,” trans. D. Clay, in Plato: Complete Works, ed. John M. Cooper (Indianapolis: Hackett Publishing, 1997), loc. 1541, Kindle; Plato, “Phaedo,” loc. 2511.]. Бегство должно было казаться Сократу правильным решением, представлять единственным желанием его «яростной души», ведь не умереть – несомненное благо для индивида. Однако состоялся суд, и суд признал Сократа

виновным, и только это имело значение. Обмануть закон было бы неправильно и не добродетельно. Сократ у Платона верит, что поддаться чувствам – значит бежать от правосудия, а такой поступок увлек бы его от эроса к булесису. Подобное недопустимо в эмоциональном режиме Платона.

Последние слова Сократа в диалоге Платона: «Критон, мы должны Асклепию петуха. Так отдайте же, не забудьте»[26 - Plato, "Phaedo," loc. 2890.]. Их значение всегда оставалось предметом споров. Асклепий был богом медицины; само собой, Сократ не мог ожидать, что останется жив после смертельной дозы яда. Некоторые исследователи трактуют эти слова как бессвязное бормотание, вызванное действием болиголова[27 - Emily Wilson, *The Death of Socrates* (Cambridge, MA: Harvard University Press, 2007), 114.]. Немецкий философ Фридрих Ницше считал, что Сократ таким образом называл жизнь болезнью и выражал счастье оттого, что наконец излечится[28 - Или в оригинале: «Oh Kriton, das Leben ist eine Krankheit!» См. www.nietzschesource.org/#eKGWB/FW-340 (<http://www.nietzschesource.org/#eKGWB/FW-340>).]. Есть версия, что в последние минуты Сократ думал о своем юном друге Платоне, которого, как мы помним, в это самое время якобы сразила болезнь[29 - Glenn W. Most, "A Cock for Asclepius," *Classical Quarterly* 43, no. 1 (1993); 26–111.]. Вероятно, мы никогда не узнаем, как все было на самом деле. Но я думаю, Сократ хотел поблагодарить Асклепия за исцеление города, который он так сильно любил. Возможно, он знал, что его казнь послужит эмоциональному освобождению, катарсису, а значит, в итоге и общему благу Афин. Есть ли поступок добродетельнее? Это было бы самым возвышенным примером эроса. Согласно Платону, чувства надлежит контролировать ради высшего блага, а потому такое объяснение вполне бы подошло. Платон использовал смерть друга, чтобы рассказать нам, как величайший человек, которого он когда-либо знал, сумел обуздать свои желания и руководствовался эросом даже в момент собственной казни.

Помимо диалога Платона, единственным дошедшим до нас свидетельством смерти Сократа остаются воспоминания его последователя, полководца и писателя Ксенофонта. Он пишет, что Сократ с радостью принял смерть, поскольку, сохранив в возрасте семидесяти лет остроту ума, он все же боялся вскоре ее утратить[30 - Xenophon, *Memorabilia*, loc. 2859.]. Сократ у Ксенофонта предстает куда более практичным человеком, чем у Платона, и тратит на советы не меньше времени, чем на споры. Не исключено, что свидетельства Ксенофонта ближе к истине. Однако ценность текстов Платона не в документальной точности. Он не ставил цели донести до нас факты. Он хотел преподать урок о том, как в высшей степени добродетельные люди могут контролировать свои порывы ради высшего блага и как мы должны им в этом подражать. Платон

устанавливает эмоциональный режим – свод правил о том, как чувствовать и как выражать чувства, – который, как он считает, всем надлежит соблюдать.

В чем же заключался эмоциональный режим Платона? Если быть максимально кратким, его режим – это вера, что суть высшего блага состоит не в том, чтобы потакать пате, возмущениям души, которые порождают желания и гнев. Нельзя также делать то, что кажется правильным, потому что вы так чувствуете. Необходимо обращаться к логосу внутри себя, чтобы отличать высшее благо от всего прочего, и делать все необходимое, чтобы этого блага достигнуть. Даже если это приведет к вашей гибели.

Довольно многие строго придерживались платоновского эмоционального режима. Некоторые преобразовали его в стоицизм, отдельный режим, о котором мы еще поговорим. Другие, как, например, юный последователь Платона по имени Аристотель, пришли к собственным выводам и почти полностью отказались от его эмоционального режима.

Большие надежды

В 334 году до н. э., спустя примерно 65 лет после казни Сократа, молодой человек сидел в палатке и читал важное письмо. Если верить древнегреческому биографу Плутарху, который в своих описаниях опирался на внешний вид статуи, юноша этот был невысоким, зато крепким и мускулистым, со светлым, чуть красноватым и чисто выбритым (довольно необычно для того времени) лицом, видневшимся над искривленной шеей. Большую часть времени его голова клонилась вбок, из-за чего казалось, что его разные – один карий, другой голубой – глаза всегда смотрят как бы снизу вверх. Именно упоминание физического несовершенства придает описанию Плутарха некоторую достоверность[31 - Plutarch, *Plutarch's Lives*, trans. George Long and Aubrey Stewart (London: George Ball and Sons, 1892), 3:302.]. Наиболее правдоподобное современное объяснение этой особенности – сколиотическая болезнь, например врожденный или глазной тортиколлис, или кривошея[32 - Хорошие аргументы в пользу этой гипотезы приведены здесь: Bente Killerich, “The Head Posture of Alexander the Great,” *Acta ad archaeologiam et artium historiam pertinentia* 29 (2017): 12–23.]. Однако ни рост, ни юность, ни гладковыбритый подбородок, ни проблемы с шеей не помешали Александру стать Великим. К 334 году до н. э. на тот момент двадцатидвухлетний Александр сумел освободить греков, что 75 лет с окончания Пелопоннесской войны находились под гнетом персов. Но он хотел

большого. Александр хотел захватить саму Персию. Встав на границе между своим царством и Азией, он метнул копье. Если оно долетит до Персии, решил Александр, он завоеует ее. Если нет – этому не суждено случиться. Увидев, как наконечник копья воткнулся в персидскую землю, Александр объявил, что боги приносят Персию ему в дар и он этот дар принимает.

Если верить письменным свидетельствам Псевдо-Каллисфена, письмо, которое читал Александр, пришло от разгневанного царя Персии Дария III. Оно было полно бахвальства и угроз[33 - Не забывайте, что историки используют приставку «псевдо» не без оснований. Но даже несмотря на то, что сама история может быть выдумкой, она все еще способна помочь нам во многом понять аристотелевский взгляд на эмоции. Прим. авт.]. Дарий объявлял себя не просто царем, а божеством, притом довольно богатым, и писал, что Александр для него «слуга», которому стоит отправляться домой «почивать на груди твоей [Александра] матери Олимпиады», поскольку его «возраст еще нуждается в воспитании и в соске»[34 - Pseudo-Callisthenes, *The Romance of Alexander the Great* by Pseudo-Callisthenes, trans. Albert Mordich Wolohojian (New York: Columbia University Press, 1969), 57.], [35 - Пер. Л. Егунова.]. Легким уколом это не назовешь. Менее сильный лидер мог бы повернуть назад, опасаясь, что его войско узнает о могуществе человека, с которым ему придется столкнуться, если они продолжат наступление. Но Александр был умен. Когда-то его наставлял человек, чьи труды настолько важны для изучения философии, что их анализируют и обсуждают по сей день, несмотря на то что книги оказались утрачены и сохранились лишь конспекты лекций. Речь о бывшем ученике Платона – Аристотеле.

Страсти Аристотеля

Если вся западная философия и правда лишь серия пометок на полях трудов Платона, то Аристотель, старый наставник Александра, вносил куда более основательные комментарии, чем все прочие. Аристотель был гораздо практичнее Платона. В то время как Платон, которого часто тянуло сесть и предаться размышлениям, любил беседовать со своими друзьями, Аристотель предпочитал наблюдать за миром и проводить измерения. Эта разница подходов иногда становилась источником разногласий философов. В конце концов в 348 году до н. э. Аристотель покинул Академию Платона. Причины этого поступка неясны. Возможно, он посчитал, что школа больше неспособна ему ничего предложить. Возможно, он не ладил с преемником Платона Спевсиппом. Возможно, причиной была ксенофобия афинян по отношению к македонцам, а

значит, и к Аристотелю. В любом случае, проведя какое-то время в странствиях, он вернулся в Македонию и возглавил школу при святилище нимф в Миезе. Именно здесь он учил юного Александра. Вполне вероятно, тема эмоций входила в учебную программу. Была бы воля Аристотеля, любой влиятельный юноша учился бы ими управлять. Чтобы познакомить своего юного ученика с миром эмоций, Аристотель, вероятно, начал бы с сущности, которая, по их общему с Платоном мнению, лежит в основе чувств и порождает их, – а именно с души.

На первый взгляд теории Платона и Аристотеля о душе очень схожи. Оба философа полагали, что душа существует в трех частях, и приписывали каждой из них разные силы. Оба утверждали, что разум обитает в определенной части души, которой обладают только люди и боги. Однако Платон считал, что душа находится вовне и контролирует тело, или тень. Аристотель думал иначе.

Он выстроил трехчастную концепцию души, основываясь на собственных наблюдениях. Он видел жизнь в растениях, животных и людях, и это натолкнуло его на мысль о существовании души или иной внутренней силы. Он заметил, что растения, подобно людям и животным, размножаются и растут, но при этом не чувствуют эмоций и почти не двигаются. Душа растения должна быть примитивной, рассуждал он, «вегетативной». Аристотель также обратил внимание на то, что животные делают все то же, что и растения, но к тому же испытывают чувства и двигаются, как и люди. Значит, они должны обладать чувственной частью души. Однако животным недоступны размышления о природе души и написание философских трактатов – они лишь реагируют на раздражители. Исходя из этого, он заключил, что животным недостает рациональной части души, отвечающей за мыслительные процессы. Получается иерархичная система. Растения наделены лишь вегетативной душой. Если к ней вы добавите чувственную, то получите животное. А если наделить животное разумной душой, перед вами предстанет человек.

В отличие от Платона Аристотель не считал, что мы и есть души, а наши тела – всего лишь неясные тени на стене пещеры. Он полагал, что тело без души – сгусток материи, безжизненная плоть, которая вскоре обратится в пыль. Он также говорил, что душа должна быть «внутри тела»[36 - Aristotle, "On the Soul," trans. J. A. Smith, in *The Complete Works of Aristotle*, ed. Jonathan Barnes (Princeton, NJ: Princeton University Press, 1984), 1:413a20.]. Без нее тело прекратит существование. Вместе тело и душа создают жизнь. Чем сложнее форма жизни, тем больше частей у ее души. Способность организма расти и воспроизводить себе подобных обусловлена присутствием растительной души. Существа,

умеющие чувствовать и реагировать, сформировались под влиянием чувственной души. Если они устроены еще сложнее и способны мыслить, значит, в них живет разумная душа[37 - Aristotle, "On the Soul." 1:434a22-434bl; Aristotle, "Parts of Animals," trans. W. Ogle, in The Complete Works of Aristotle, 1:687a24-690a10; Aristotle, "Metaphysics," trans. W. D. Ross, in The Complete Works of Aristotle, 2:1075a16-25.]. Душа при этом не может существовать отдельно от тела. Для жизни необходимы обе составляющие.

Аристотель также не соглашался с идеей Платона, что все части души способны чувствовать. По Аристотелю, только чувственная душа может быть потревожена пате и ощущает их: именно эта часть души отвечает за познание окружающего мира через зрение, обоняние, осязание, слух и вкус, которые и становятся источником волнений. Аристотель представлял следующий механизм: ваши чувства улавливают что-то извне. Допустим, вы видите льва. Вы замечаете опасность, и это воздействует на вашу чувственную душу, вызывая пате, вероятнее всего страха. Вы можете тут же обратиться в бегство, не прислушиваясь к своей разумной душе. В ином случае ваша разумная душа напомнит вам, что вы в зоопарке и лев не причинит вам вреда. Подобным образом работают все чувства – это связующее звено между окружающей действительностью и вашими внутренними переживаниями[38 - Aristotle, "On the Soul," 1:424b22-425a13.].

Одно из ключевых отличий философии Аристотеля от философии Платона заключается в том, что Аристотель не считал необходимым подавлять эмоции ради высшего блага – во всяком случае, не видел смысла поступать так, подобно Платону, из благородных, почти религиозных убеждений. Если вы намерены контролировать свои эмоции, полагал Аристотель, следует применять такое умение в дебатах особого рода – в риторике. Риторика – это искусство убеждения, в основе которого лежит пафос, способность пробуждать чувства в тех, к кому вы обращаетесь. К подобному стилю аргументации по-прежнему прибегают политики и адвокаты, возможно даже слишком часто.

Риторика отнюдь не предполагает полного игнорирования фактов. На самом деле в своей книге (или, лучше сказать, заметках) о ней – озаглавленной, как ни удивительно, «Риторика» – Аристотель неоднократно призывает читателя узнать как можно больше о предполагаемом предмете спора. Однако преподносить факты стоит, пользуясь арсеналом приемов, которые позволят достичь эмоционального и интеллектуального превосходства над собеседником.

Нам «Риторика» интересна тем, что в ней Аристотель подробно описывает некоторые эмоции. (Описания Платона тоже довольно детальны, однако в них нет системы.) В особенности пате, полезные для пафоса. Во второй книге «Риторики» он разбивает их на пары противоположностей. Но прежде чем перейти к ним, он в конце первой книги говорит о двух базовых чувствах, из которых, по его мнению, происходят все остальные.

- Первое – наслаждение. Аристотель определяет его как «движение, посредством которого вся душа сознательно приводится в свое нормальное состояние» – другими словами, состояние непотревоженной души. Наслаждение связано с чувствами, возвращающими душу в состояние покоя[39 - Aristotle, “On the Soul,” 1:1369b33.].
- Второе – боль, антоним наслаждения, или состояние растревоженной души. Боль связана с чувствами, которые становятся причиной возмущения души[40 - Aristotle, “On the Soul,” 1:1370a1.].

Способность управлять чужим наслаждением и болью характеризует талантливого оратора. В некоторой степени именно в этом заключалась тактика Сократа. Если вы обратитесь к диалогам Платона, вы обнаружите, что бесконечные вопросы Сократа вызывают острую, болезненную реакцию – чаще всего гнев. Возможно, именно поэтому Аристотель начинает перечислять пате с гнева.

Вот список парных эмоций, которые Аристотель считал полезными для риторики:

- гнев / спокойствие[41 - Aristotle, “On the Soul,” 2:1378a30, 1380a5.];
- дружелюбие / враждебность (или любовь / ненависть)[42 - Aristotle, “On the Soul,” 2:1380b35, 1382bl.];
- страх / уверенность (последнюю он определял как «отсутствие или удаленность от источника ужаса: может проистекать как из близости чего-то, что внушает уверенность, так и из отсутствия чего-то, что вызывает

тревогу»)[43 - Aristotle, "On the Soul," 2:1382a21, 1383a15.];

- стыд / бесстыдство[44 - Aristotle, "On the Soul," 2:1383b16-17.];
- доброта / бессердечие[45 - Aristotle, "On the Soul," 2:1385a15-1385a1.], [46 - Это интересно, поскольку предполагает, что Аристотель считал следствием пате не только чувства, но и поступки. Прим. авт.];
- сожаление / негодование[47 - Aristotle, "On the Soul," 2:1385b13, 1386b10.];
- зависть / подражание (последнее описывается как своего рода белая зависть - удовлетворение от чужих успехов и достижений)[48 - Aristotle, "On the Soul," 2:1387b20, 1388a30.].

Согласно Аристотелю, умение выражать эти эмоции и манипулировать соответствующими эмоциями оппонента в значительной степени помогает победить в споре. Чтобы достичь в искусстве дебатов уровня Сократа, необходимо научиться контролировать эти чувства как в себе, так и в других. Главное - внимательно выбирать тех, с кем спорить, иначе неприятностей не избежать.

Риторика Александра

Зная, что Александр был учеником Аристотеля и впитал его взгляды на эмоции и риторику, мы можем довольно хорошо представить его реакцию на письмо Дария. Дарий пришел в ярость от известий о том, что Александр намерен завоевать его земли. Александр понимал, что любой ответ, отличный от «Все понял, ухожу», обернется серьезными последствиями. Хотя не исключено, что именно на это он и надеялся. Он как будто искал неприятностей. Неприятностей и возможности построить империю, которой еще не видел мир. Александр был намерен получить и то и другое.

Считается, что Александр зачитал насмешливое и оскорбительное письмо Дария своим солдатам, и многих из них оно, конечно, обеспокоило. В конце концов, за плечами у этого народа была долгая и полная жестокости история греко-персидских войн. Однако Александр, опираясь на мудрость своего учителя,

обратился к войскам: «...что вы так смущены этим письмом?.. Дарий так пишет из хвастовства, сам он вовсе не похож на написанное. Бывают псы, которые уже не могут взять крепостью тела, так они громко лают, точно лай свидетельствует о силе»[49 - Pseudo-Callisthenes, *The Romance of Alexander the Great* by Pseudo-Callisthenes, trans. Albert Murgdich Wolohojian (New York: Columbia University Press, 1969), 58.], [50 - Здесь и ниже в цитатах пер. Л. Егунова.]. Дарий пытался запугать Александра и его войско. К несчастью для Дария, Александр прекрасно знал, на что способны он сам и его армия. Аристотель, вероятно, рассказал своему ученику, что «если мы считаем себя в высокой степени обладающими тем, из-за чего над нами смеются, тогда мы не обращаем внимания на насмешки»[51 - Aristotle, “On the Soul,” 2:1379b1-2.], [52 - Здесь и в следующем абзаце цит. по: *Античные риторика* / пер. Н. Платоновой. М., 1978.]. Аристотель определял уверенность как «отсутствие того, что вызывает тревогу», а Александр был ее воплощением.

В искусстве риторики крайне важно чувствовать аудиторию. Аристотель утверждал, что «нужно обращать внимание и на то, среди кого произносится похвала, потому что, по выражению Сократа, нетрудно восхвалять афинян среди афинян же»[53 - Aristotle, “Rhetoric,” trans. W. Rhys Roberts, in *The Complete Works of Aristotle*, 1:1367b8.]. Возможно, памятуя об этом, Александр указал, что в письме, кроме прочего, говорится о несметных богатствах Дария, чтобы его солдаты загорелись желанием получить их часть в качестве трофеев в случае победы. Собравшимся воинам эта идея пришлась по душе. Александр вместо страха внушил им те же уверенность и рвение, что испытывал сам. Совсем как его учили.

Как только его люди успокоились, Александру ничего не оставалось, кроме как написать ответ.

Позорно столь великому царю Дарию, превозносящемуся столь великой мощью, да еще и сопрестольнику богов, впасть в презренное рабство у какого-то человека Александра[54 - Pseudo-Callisthenes, 59-60.].

Александр приказал своим людям казнить персидских посланников, которые по понятным причинам «перепугались». Однако на самом деле Александр и не думал их убивать. После того как они пали перед ним ниц, он отпустил их со словами:

Не потому, что вы испугались наказания и стали умолять меня, я помилую вас. Я вовсе не имею намерения наказать вас, но хочу показать различие между царем-эллином и варваром-тираном[55 - Pseudo-Callisthenes, 59-60.].

Дарий допустил ошибку: Александр был хорошим учеником. Он понимал, как управлять чувствами людей. Он смог внушить своим солдатам смелость, высмеяв попытки Дария угрожать ему. Более того, он преподал Дарию урок, как на самом деле нужно устрашать противников: поиграв с желанием людей жить, прежде чем спасти их от неминуемой гибели, вы обретаєте власть над ними. Посланники вернулись к Дарию, чтобы рассказать о величии Александра.

Почти десять лет спустя Александр стоял на берегу реки Ганг на севере Индии. Он завоевал Египет и большую часть земель от Греции до Гималаев, включая царство Дария, как и обещали боги. Но его солдаты устали. Они скучали по родине и семьям и отказывались сражаться дальше. Им хотелось домой. Александр грезил о том, что ожидало его впереди, о сокровищах, которые ему предстояло увидеть. Но там, на берегу Ганга, вопреки своему желанию, он согласился вернуться в Грецию. Его империя достигла своего предела.

Оказаться дома было не так плохо. Александр мог снова побеседовать со своим старым наставником Аристотелем и прочесть некоторые из диалогов, которые тот писал в своей новой школе, Лицее.

Философское настроение

Платон и Аристотель – два величайших имени в античной философии. Чувства были чрезвычайно важны для них обоих, хотя, как и во многих других вопросах, они расходились во взглядах не только на то, как работают эмоции, но и на то,

как их следует использовать. Платон считал, что эмоции способны как вознести нас к высшему благу, так и сделать заложниками опасных краткосрочных удовольствий. Аристотель полагал, что эмоции рождаются в животной части души и способны принести пользу в спорах или переговорах с врагом. Оба верили, что эмоциями можно управлять с помощью разума, логоса. По мнению Платона, чувства должны быть устремлены к чему-то возвышенному и одухотворенному, в то время как Аристотель смотрел на них с практической, приземленной точки зрения и видел в них инструмент достижения целей. В сущности, все разногласия между двумя мыслителями сводятся к тому, что для Платона в каждом явлении важнее всего духовное, а Аристотель прагматически ищет ему приложение в реальном мире. Их взгляды на эмоции не исключение.

Идеи Платона и Аристотеля о природе эмоций и душе служили основой западной философской и политической мысли почти два следующих тысячелетия. Нет такого философа – равно как цивилизации, политического движения или религиозного верования, – на которого не повлиял бы как минимум один из мыслителей или оба сразу. Теории эмоций, предложенные Платоном и Аристотелем, во многом сформировали культуру и убеждения всего западного мира. Не верите? Продолжайте читать – и вы снова и снова будете слышать отголоски их основных положений. Они помогли миллионам людей по всему миру разобраться в себе, и до начала XVII века не было никого, кто мог бы бросить им хоть сколько-нибудь серьезный вызов.

Само собой, древние греки не единственные, кто повлиял на теорию эмоций. Точно так же как Платон и Аристотель не единственные, чьи попытки разъяснить, что такое эмоции и что с ними делать, имели глобальное значение. Примерно тогда, когда Сократ готовился принять смерть, в Древней Индии развивалась дискуссия о чувствах, которая вдохновляла последующие поколения философов, живших на территориях от Китая до окраин христианского мира. Давайте перенесемся в те самые северные провинции Индии, у чьих границ повернула армия Александра, – туда, где эмоциональное преобразование правителя изменило ход истории.

Глава 2. Желание в Индии

Царь Ашока, получивший за свою безжалостность в ранние годы правления прозвище Чандашока, был свирепым и жестоким человеком. Ходили легенды, что он лично побывал в аду, чтобы научиться самым ужасным способам истязания людей, – столько в нем видели злости. Чандашока унаследовал свое скромное царство – империю Маурьев – около 265 года до н. э. и немедленно взялся расширять его границы. Вскоре его владения простирались через весь Индийский субконтинент – от современного Афганистана до Бангладеш. Но даже через восемь лет на восточном побережье Индии остался регион, который Чандашока так и не нашел способа подчинить: Калинга. И это приводило царя в ярость.

Когда Чандашока двинулся на Калингу, все пошло не по плану. Война оказалась тяжелой и затяжной. Смерть, увечья и кровопролитие окружали его со всех сторон, земля стала красной от крови. До сих пор в сражениях гибли тысячи, а иногда и десятки тысяч людей. На этот раз более ста тысяч человек были убиты, а еще больше умерли от голода и болезней за время военных действий. Еще сто пятьдесят тысяч человек вынужденно покинули свои дома. Чандашока видел вереницы отчаявшихся, напуганных беженцев, прошедших многие сотни миль. Во время битвы и после нее он становился свидетелем бедствий, на фоне которых ад казался раем. И если легенды хотя бы отчасти правдивы, то произошедшее потом заставило Чандашоку пережить одну из самых драматичных трансформаций в истории. Именно благодаря этой трансформации мы помним его не как Чандашоку, что примерно можно перевести как «Ашока-монстр» или «Ашока Жестокий». В Индии он известен как царь Пиядаси («тот, кто относится ко всем с любовью») и Деванамприя («возлюбленный богов»). В остальном мире – как Ашока Великий.

Преображение Ашоки было вызвано тем, что сместился – и очень значительно – фокус его желаний. Идея желания и того, что с ним следует делать, лежит в основе большинства древних индийских религий, но каждая из них трактует желание по-своему. Любая перемена в желаниях и стремлениях Ашоки не могла не сказаться самым драматичным образом на том, как он жил и во что верил. Но, как часто бывает с чувствами, желания – нечто сложное и нестандартное. Поэтому, прежде чем я продолжу историю, позвольте подробнее остановиться на некоторых современных представлениях о желании, которые помогут лучше понять природу сил, изменивших жизнь Ашоки, а вместе с ней и жизнь его подданных.

Удовлетворение желаний

Представьте, вы лежите на пляже, вашу кожу греет солнце, обдувает бриз, слышно, как волны мягко накатывают на берег. Вы ложитесь на спину и чувствуете, как песок струится сквозь пальцы ног, а повседневные тревоги улетучиваются. Вы чувствуете себя спокойным, счастливым. Но, вглядываясь вдаль, вы вдруг замечаете в море плавник большой белой акулы. Умиротворение и счастье сменяются паникой: кажется, вы один видите опасность. Вы чувствуете мощное инстинктивное желание предупредить других. Вы забываете о своей идиллии и бежите к спасателю, который бьет тревогу и просит людей покинуть берег, прежде чем кто-либо пострадает. Вы с облегчением выдыхаете.

Вы заметили, что из всех пережитых эмоций выделялась одна? Большинство из описанных чувств – счастье, спокойствие, страх, паника и облегчение – были вызваны внешними обстоятельствами. Вы чувствовали себя расслабленным и счастливым, потому что ощущали тепло солнца и шероховатость песка под ногами, слышали шум океана. Вы испытали страх и даже панику, заметив акулу, и облегчение, когда увидели, что все в безопасности. Но желание, которое вы почувствовали, имело иную природу. Несмотря на то что поделиться с кем-то информацией вас побудил вид акулы, именно желание не дать никому пострадать заставило вас броситься к спасателям. Вы могли ощутить страх и, будучи парализованным ужасом, смотреть, как кто-то попадает в беду. Вы могли запаниковать и начать бестолково размахивать руками. Существует миллион вещей, которые вы могли бы сделать, но вместо этого вы почувствовали желание предупредить об акуле – желание спасти людей от опасности. Другими словами, большинство чувств передаются «от мира к мозгу», то есть мы улавливаем что-то в окружающем мире, и из-за этого возникают эмоции, но желание передается «от мозга к миру». Мы чувствуем желание и только потом действуем.

Существует масса разновидностей желания. Оно может быть имманентным, то есть заключенным в себе, как, например, иметь хорошую машину или съесть мороженое. Или, допустим, поделиться своей любовью к чему-то с другими людьми. Оно может быть инструментальным – это желание сделать что-то, что приведет к чему-то еще. Например, желание заработать, чтобы купить рожок мороженого. Вам может хотеться купить цветы, чтобы порадовать жену, или даже написать книгу, чтобы другие тоже испытали восторг от знакомства с историей эмоций. Желания бывают сильными и слабыми, в зависимости от того, насколько вы чего-то хотите. Есть текущие желания, которые трудно выкинуть из головы. В эту категорию попадают, например, желания сдать предстоящий экзамен или выпутаться из щекотливой ситуации. Постоянные желания, как,

например, желание дожить до глубокой старости, маячат где-то на краю сознания.

Каждое из этих подмножеств относится, по выражению философа Гарри Франкфурта, к желаниям первого (то есть желанию чем-то обладать или желанию, чтобы что-то произошло) или второго (то есть желанию желать)[56 - Harry G. Frankfurt, *On Bullshit* (Princeton, NJ: Princeton University Press, 2005); Harry G. Frankfurt, "Freedom of the Will and the Concept of a Person," *Journal of Philosophy* 68, no. 1 (January 14, 1971): 5-20.] порядка. Ваш порыв рассказать спасателям об акуле можно классифицировать как инструментальное желание первого порядка: вы хотите сделать что-то, что приведет к чему-то еще (сообщить спасателю об акуле, чтобы он организовал людей и те вышли из воды), а также хотите, чтобы что-то произошло (а именно были спасены жизни). Хотя желания можно объяснить через порядки и типы, мне кажется, есть гораздо более эффективный способ понять их. Этот подход разработал философ Тимоти Шрёдер. Ему удалось объединить многочисленные философские и научные идеи о желании в концепцию, которую он сам называет тремя лицами желания[57 - Timothy Schroeder, *Three Faces of Desire* (Oxford, UK: Oxford University Press, 2004).].

Первое – побудительное желание: встать и начать действовать. Второе – гедонистическое желание: получить удовольствие или избежать боли. И наконец, третье – желание познавать: то есть, основываясь на собственном опыте, делать выводы о том, что для нас хорошо, а что – нет. Безусловно, эти три вида желания существуют не в вакууме. Побудительное желание получить водительские права не возникнет без гедонистического стремления к независимости, которую дарит вождение, а также без желания стать опытным водителем.

Шрёдер также выделяет два объединяющих элемента желания: вознаграждение и наказание. Научиться кататься на лыжах – вознаграждение. Не научиться и терпеть насмешки (или свернуть себе шею) – наказание. Вознаграждение и наказание связывают желание не только с мыслями, но и с эмоциями, включая даже самые базовые. С этого момента, чтобы разобраться в разновидностях желания, я буду в первую очередь опираться на принципы Шрёдера.

Кстати, под словом «желание» я также подразумеваю все синонимы, которые есть для него в словаре: потребность, аппетит, тоска, жажда, позыв, стремление, тяга, влечение, порыв и т. д. Отчасти потому, что это позволяет не

усложнять текст без особой необходимости, но в основном потому, что на протяжении истории люди также нечасто разграничивали желания и потребности. Конечно, они тоже чувствовали желания разных типов, однако современный словарь синонимов тут не поможет. Позвольте объяснить.

Желания в индуизме

Ашока вырос в доминирующей на севере Индии индуистской культуре. В этой книге я сознательно остановился на терминах «индуизм» и «индуистский». Стоит отметить, что термин «индуистский» сам по себе довольно условен. Во-первых, последователи религии, которую сейчас принято называть индуизмом, не называли себя индуистами до XVII века, когда на их территорию пришли британцы. Во-вторых, что еще больше сбивает с толку, единой индуистской религии нет и никогда не было. Историк индуизма, профессор Джун Макдэниел, считает, что существует несколько индуизмов и выделяет шесть основных разновидностей. А индолог и специалист по санскриту, профессор Венди Донигер, пишет, что у каждого, кто исповедует индуистскую веру (или веры), «в арсенале соседствуют различные убеждения, к которым он прибегает в зависимости от ситуации»[58 - Wendy Doniger, *The Hindus: An Alternative History*, reprint ed. (Oxford, UK: Oxford University Press, 2010), 44.]. Несмотря на все это чудесное многообразие, некоторые идеи в той или иной степени характерны для всех течений в рамках индуизма. Понимание видов желаний – одна из таких идей.

В священных текстах индуизма выделяются четыре разновидности желания, или целей (пурушартха). Самая важная из них – путь каждого человека, или дхарма. Дхарма – это одновременно и побудительное желание, и желание познавать. Ее роль состоит в том, чтобы дисциплинировать людей, позволять им учиться, духовно расти и обуздывать любые гедонистические желания, которые могут возникнуть. Один из лучших примеров дхармы описан в «Бхагавадгите», или «Песне Господа», – одной из частей «Махабхараты», эпоса о войне на поле Курукшетра, реальном или вымышленном противостоянии между двумя могущественными семьями[59 - Upinder Singh, *A History of Ancient and Early Medieval India: From the Stone Age to the 12th Century* (New Delhi: Longman, an imprint of Pearson Education, 2009), 19; K. S. Ramachandran, “Mahabharata: Myth and Reality,” in *Delhi: Ancient History*, ed. Upinder Singh (Oxford, UK: Berghahn Books, 2006), 85–86.].

В начале «Бхагавадгиты» Арджуна, царевич одного из кланов, готовится вступить в решающую битву. Он просит своего колесничего подъехать поближе, чтобы лучше рассмотреть врага, и ужасается, увидев на стороне противника членов своей семьи. Не желая убивать родственников, Арджуна задается вопросом, может ли он избежать сражения, если воззовет к божественной добродетели ненасилия (ахимсе). К удаче Арджуны, его колесничий не только великолепен в своем ремесле, пугающе красив, невероятно мудр и безупречно добр – ко всему прочему он не кто иной, как Кришна, живое воплощение Бога. Как понимаете, Бог – отличный советчик.

Кришна объясняет Арджуне, что ненасилие – это безусловное благо, однако еще большее благо – следовать своей дхарме, то есть истинному пути. Следовать своему пути – значит быть самоотверженным. Для этого необходимо игнорировать бхавы, которые пытаются увести вас от цели. Бхава – сложное понятие. Само слово может означать как «существующий», так и «творимый» – жизнь и рождение. Оно также обозначает настроение, чувство или привычку. Иногда оно означает все это разом. Идея состоит в том, что мы существуем, потому что мы чувствуем. Мы чувствуем, потому что были рождены. Быть живым – значит испытывать чувства, в противном случае вы просто пусты, то есть мертвы. Но чтобы оставаться верным своей дхарме, все бхавы необходимо держать под контролем. Вы должны следовать своему пути, какие бы чувства он у вас ни вызывал. Для этого следует отказаться от опыта переживания потерь и приобретений, который несет этот путь [60 - Eknath Easwaran, trans., *The Bhagavad Gita* (Tomales, CA: Nigiri Press, 2007), 251–265.]. Путь заключается не в том, чтобы набить карманы добычей. Не в том, чтобы прервать бой из-за того, что кто-то из противников вызывает у вас симпатию. Путь заключается в том, чтобы исполнить свое предназначение. В том, чтобы делать то, что должно. Отказ от участия в битве противоречил бы дхарме Арджуны точно так же, как и участие в ней только ради славы и власти. В некоторых формах индуизма считается, что награда за верность своей дхарме – реинкарнация в лучшей жизни или достижение блаженства в этой. Наказание за несоблюдение дхармы – обратный итог. Арджуне пришлось отбросить чувства и исполнить свой долг.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Сноски

1

Thomas Dixon, *From Passions to Emotions: The Creation of a Secular Psychological Category* (Cambridge, UK: Cambridge University Press, 2003).

2

Anna Wierzbicka, *Imprisoned in English: The Hazards of English as a Default Language* (Oxford, UK: Oxford University Press, 2013), 75.

3

Debi Roberson et al., "Colour Categories and Category Acquisition in Himba and English," in *Progress in Colour Studies*, vol. 2, *Psychological Aspects*, ed. Nicola Pitchford and Carole P. Biggam (Amsterdam: John Benjamins, 2006), 159–172.

4

Jonathan Winawer et al., "Russian Blues Reveal Effects of Language on Color Discrimination," *Proceedings of the National Academy of Sciences of the United States of America* 104, no. 19 (May 8, 2007): 7780–7785.

5

Два отличных примера: Thomas Dixon, *Weeping Britannia: Portrait of a Nation in Tears* (Oxford, UK: Oxford University Press, 2015); Joanna Bourke, *Fear: A Cultural History* (London: Virago Press, 2006).

6

Советую почитать вторую часть: William Reddy's *The Navigation of Feeling: A Framework for the History of Emotions* (Cambridge, UK: Cambridge University Press, 2001). Хотя если на то пошло, то почитайте и первую.

7

Отличный пример: Stephanie Downes, Sally Holloway, and Sarah Randles, eds., *Feeling Things: Objects and Emotions Through History* (Oxford, UK: Oxford University Press, 2018).

8

Richard Firth-Godbehere, "Naming and Understanding the Opposites of Desire: 1 Prehistory of Disgust 1598-1755" (PhD diss., University of London, 2018), qmro.qmul.ac.uk/xmlui/handle/123456789/39749?show=full (<http://qmro.qmul.ac.uk/xmlui/handle/123456789/39749?show%3dfull>).

9

См.: Reddy, *The Navigation of Feeling*. Обязательна к прочтению тем, кто интересуется темой.

10

Arlie Russell Hochschild, *The Managed Heart: Commercialization of Human Feeling* (Berkeley: University of California Press, 1983), 7.

11

Barbara H. Rosenwein, *Emotional Communities in the Early Middle Ages* (Ithaca, NY: Cornell University Press, 2007).

12

Plato, "Phaedo." trans. G. M. A. Grube, *Plato: Complete Works*, ed. John M. Cooper (Indianapolis: Hackett Publishing, 1997), loc. 1792, Kindle.

13

David Sedley, *Plato's Cratylus*, *Cambridge Studies in the Dialogues of Plato* (Cambridge, UK: Cambridge University Press, 2003), 10.

14

Alfred North Whitehead, *Process & Reality*, ed. David Ray Griffin and Donald W. Sherburne (New York: Free Press, 1978), 39.

15

Множественное число от греч. πολλα. Здесь и далее, если не указано иное, примечания переводчика и редактора.

16

Plato, "Republic," trans. G. M. A. Grube, rev. C. D. C. Reeve, in *Plato: Complete Works*, ed. John M. Cooper (Indianapolis: Hackett Publishing, 1997), loc. 26028–27301, Kindle.

17

Здесь и далее цитаты из Библии и Торы даются в русском синодальном переводе.

18

Plato, "Republic," loc. 27176–27195.

19

Plato, "Republic," loc. 27239–27264.

20

Xenophon, *Memorabilia*, trans. Amy L. Bonnette (Ithaca, NY: Cornell University Press, 2014), loc. 514–520, Kindle.

21

Plato, "Phaedo," loc. 2889.

22

Федон // Платон. Собр. соч. в 4 т. Т. 2 / пер. С. П. Маркиша. М.: Мысль, 1993.

23

Plato, "Phaedo," loc. 2886.

24

Plato, "Phaedo," loc. 2878–2897.

25

Plato, "Critias," trans. D. Clay, in *Plato: Complete Works*, ed. John M. Cooper (Indianapolis: Hackett Publishing, 1997), loc. 1541, Kindle; Plato, "Phaedo," loc. 2511.

26

Plato, "Phaedo," loc. 2890.

27

Emily Wilson, *The Death of Socrates* (Cambridge, MA: Harvard University Press, 2007), 114.

28

Или в оригинале: «Oh Kriton, das Leben ist eine Krankheit!» См.
www.nietzschesource.org/#eKGWB/FW-340
(<http://www.nietzschesource.org/#eKGWB/FW-340>).

29

Glenn W. Most, "A Cock for Asclepius," *Classical Quarterly* 43, no. 1 (1993); 26–111.

30

Xenophon, *Memorabilia*, loc. 2859.

31

Plutarch, *Plutarch's Lives*, trans. George Long and Aubrey Stewart (London: George Ball and Sons, 1892), 3:302.

32

Хорошие аргументы в пользу этой гипотезы приведены здесь: Bente Killerich, "The Head Posture of Alexander the Great," *Acta ad archaeologiam et artium historiam pertinentia* 29 (2017): 12–23.

33

Не забывайте, что историки используют приставку «псевдо» не без оснований. Но даже несмотря на то, что сама история может быть выдумкой, она все еще способна помочь нам во многом понять аристотелевский взгляд на эмоции.
Прим. авт.

34

Pseudo-Callisthenes, *The Romance of Alexander the Great* by Pseudo-Callisthenes, trans. Albert Mugrdich Wolohojian (New York: Columbia University Press, 1969), 57.

35

Пер. Л. Егунова.

36

Aristotle, "On the Soul," trans. J. A. Smith, in *The Complete Works of Aristotle*, ed. Jonathan Barnes (Princeton, NJ: Princeton University Press, 1984), 1:413a20.

37

Aristotle, "On the Soul." 1:434a22–434b1; Aristotle, "Parts of Animals," trans. W. Ogle, in *The Complete Works of Aristotle*, 1:687a24–690a10; Aristotle, "Metaphysics," trans. W. D. Ross, in *The Complete Works of Aristotle*, 2:1075a16–25.

38

Aristotle, "On the Soul," 1:424b22–425a13.

39

Aristotle, "On the Soul," 1:1369b33.

40

Aristotle, "On the Soul," 1:1370a1.

41

Aristotle, "On the Soul," 2:1378a30, 1380a5.

42

Aristotle, "On the Soul," 2:1380b35, 1382b1.

43

Aristotle, "On the Soul," 2:1382a21, 1383a15.

44

Aristotle, "On the Soul," 2:1383b16-17.

45

Aristotle, "On the Soul," 2:1385a15-1385a1.

46

Это интересно, поскольку предполагает, что Аристотель считал следствием пате не только чувства, но и поступки. Прим. авт.

47

Aristotle, "On the Soul," 2:1385b13, 1386b10.

48

Aristotle, "On the Soul," 2:1387b20, 1388a30.

49

Pseudo-Callisthenes, *The Romance of Alexander the Great* by Pseudo-Callisthenes, trans. Albert Muirhead Wilson (New York: Columbia University Press, 1969), 58.

50

Здесь и ниже в цитатах пер. Л. Егунова.

51

Aristotle, "On the Soul," 2:1379b1-2.

52

Здесь и в следующем абзаце цит. по: Античные риторика / пер. Н. Платоновой. М., 1978.

53

Aristotle, "Rhetoric," trans. W. Rhys Roberts, in *The Complete Works of Aristotle*, 1:1367b8.

54

Pseudo-Callisthenes, 59-60.

55

Pseudo-Callisthenes, 59-60.

56

Harry G. Frankfurt, *On Bullshit* (Princeton, NJ: Princeton University Press, 2005); Harry G. Frankfurt, "Freedom of the Will and the Concept of a Person," *Journal of Philosophy* 68, no. 1 (January 14, 1971): 5-20.

57

Timothy Schroeder, *Three Faces of Desire* (Oxford, UK: Oxford University Press, 2004).

58

Wendy Doniger, *The Hindus: An Alternative History*, reprint ed. (Oxford, UK: Oxford University Press, 2010), 44.

59

Upinder Singh, *A History of Ancient and Early Medieval India: From the Stone Age to the 12th Century* (New Delhi: Longman, an imprint of Pearson Education, 2009), 19; K. S. Ramachandran, "Mahabharata: Myth and Reality," in *Delhi: Ancient History*, ed. Upinder Singh (Oxford, UK: Berghahn Books, 2006), 85-86.

60

Ek Nath Easwaran, trans., The Bhagavad Gita (Tomales, CA: Nigiri Press, 2007), 251-265.

Купити: https://tellnovel.com/fert-godbeher_richard/emocii-velikolepnaya-istoriya-chelovechestva

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)